

Секта Меча. Павильон Облачной Дымки.

Среди бескрайней череды зеленых гор высился изящный, ослепительно белый павильон, словно парящий в воздухе. Его окутывал призрачный духовный туман, а вокруг раскинулся барьер из серебристой энергии меча.

Внутри барьера круглый год царила весна, не знавшая ни бурь, ни холодных дождей. Но эта же преграда навек отрезала обитель от остального мира, превратив её в изысканную клетку из белого нефрита.

Приближался Новый год, но здесь по-прежнему царило отрешённое, леденящее безмолвие — ни единого намека на праздничное оживление.

Шэнь Цзюньюй, облаченный в простое белое одеяние, сидел в кресле-каталке, бережно прижимая к груди шкатулку из черного сандала.

Он задумчиво смотрел в окно. Печать затяжного недуга лежала на его осунувшемся лице, однако светло-карие глаза оставались ясными, теплыми и чистыми.

В их глубине теплилась робкая надежда: сегодня, в канун праздника, его должен навестить супруг — Юань Мучжоу, его дао-спутник.

Шэнь Цзюньюй не видел Юань Мучжоу почти год.

Но в душе его не было и капли обиды. Он лишь безропотно ждал, когда на землю опустятся сумерки.

Юань Мучжоу теперь носил великий титул Главы Секты Меча. Дела секты требовали его непрерывного внимания, к тому же он вплотную приблизился к невидимому барьеру на пути самосовершенствования, преодолеть который никак не удавалось. Шэнь Цзюньюй понимал это и меньше всего хотел обременять супруга своими заботами.

Да и долг жизни, который связывал его с Мучжоу, был неоплатим — за такое не расплатиться и за сотню лет...

Поэтому долгое томительное ожидание не казалось ему напрасной жертвой.

Век назад в Тайной обители Небесного Ветра Шэнь Цзюньюй закрыл собой младшего брата, Шэнь Сьюаня, подставившись под смертоносную стрелу демонического практика. Его золотое ядро разлетелось вдребезги, а сам он оказался на пороге гибели.

Тогда Юань Мучжоу, бывший его женихом, вопреки уговорам старейшин и бурному протесту всей секты, связал их судьбы древним Контрактом разделенной судьбы дао-спутников.

Священные узы спасли Шэнь Цзюньюй жизнь, но взамен лишили его свободы на долгие столетия.

Юань Мучжоу, наследник и молодой глава Секты Меча, обладал редчайшим даром — Костью меча. Любая угроза его жизни грозила потрясти основы всего мира праведных заклинателей.

Опасаясь за безопасность преемника, старейшины Секты Меча спешно возвели Павильон Облачной Дымки. Окружив его мощным барьером и приставив стражу из сильнейших мастеров, они перевезли сюда искалеченного юношу под предлогом «восстановления сил».

И это «восстановление» затянулось на целый век.

Поначалу, когда раны Шэнь Цзюньюй были еще свежи, Мучжоу почти не покидал павильон, выхаживая его дни и ночи напролет.

Но стоило смертельной опасности отступить, как визиты стали реже — раз в несколько дней.

Когда же несколько десятилетий назад он унаследовал бразды правления сектой и взошел на престол Главы Секты Меча, его стали видеть здесь лишь раз в году — накануне праздника.

Шэнь Цзюньюй тосковал, но никогда не роптал. Тот безумный, благородный порыв, с которым Мучжоу когда-то наперекор всему миру связал себя клятвой с умирающим калекой, искупал в его глазах любое охлаждение.

Став главой великой обители, его супруг взвалил на свои плечи непомерную ношу. Стоило ли винить его в редких встречах?

И вот снова наступил канун праздника.

Этот вечер отличался от всех предыдущих — исполнялась ровно сотня лет со дня заключения их священного союза.

Шэнь Цзюньюй понимал, что Мучжоу, скорее всего, забыл о годовщине. И всё же на рассвете он отыскал на самом дне сундука свое лучшее белое одеяние — то самое, что некогда так нравилось супругу. Тщательно уложив праздничное подношение в шкатулку, он бережно

прижал её к груди.

Солнечный диск медленно клонился к закату, окрашивая вершины западных гор багрянцем. Рассудив, что супруг вот-что прибудет, Шэнь Цзюньюй направил кресло-каталку к просторной белонефритовой террасе, выступающей над краем пропасти.

Но едва он выкатился на середину площадки, как до его слуха донеслись приглушенные голоса.

— Слышал? Три дня назад на Восточном море главу Шэня коварно ранили люди из Павильона Небесных Тайн, когда он охотился на древнего водного яо. Наш Глава Секты Меча в ту же ночь помчался в Секту Нефритовых Весов. Интересно, как там сейчас глава Шэнь?

Шэнь Цзюньюй замер, и колеса кресла-каталки со скрипом остановились.

— Раны тяжелые. Говорят, Глава Секты Меча был просто в ярости.

— Но почему наш Глава Секты Меча так разгневался из-за ранения главы Шэня?

— Эх ты, — первый заговоривший понизил голос почти до шепота, — так ведь глава Шэнь отправился на ту охоту ради самого Главы Секты Меча! Хотел добыть ядро чудовища в подарок к Новому году, чтобы помочь владыке совершить прорыв и наконец достичь Царства Великого Наставления. Как тут сердцу не разрываться от жалости и тревоги?

— Вот оно что... Значит, глава Шэнь и впрямь без памяти влюблен в нашего владыку. Не то что некоторые. Кое-кто прекрасно знает, что этот проклятый контракт дао-спутников уже сколько лет связывает Главе Секты Меча руки и не дает продвинуться в развитии, но продолжает притворяться глухим и слепым, лишь бы не лишиться теплого местечка. Родные братья, а какая разница!

Шэнь Цзюньюй одиноко сидел на террасе, прижимая к груди шкатулку с подарком. Он опустил ресницы, не выдавая своего присутствия ни единым вздохом.

Голоса за стеной барьера продолжали доноситься до его слуха:

— Скажу прямо, этот калека просто устроился за чужой счет и строит из себя мученика. Сто лет спекулирует на былом спасении брата, заставляя расплачиваться и главу Шэня, и нашего Главу Секты Меча. Любил бы по-настоящему — давно бы отпустил Мучжоу, облегчил бы ему жизнь! А он мало того что сам обуза, так еще и брата родного из-за него гложет чувство вины. Тьфу, тошно смотреть.

— Да просто вцепился мертвой хваткой в статус супруга Главы Секты Меча, жадность глаза застилает.

— Ничего, жить ему все равно осталось недолго с его-то ранами. Скоро освободит место, и тогда любящие сердца наконец-то воссоединятся.

— И то верно. Таким эгоистам рано или поздно воздастся по заслугам.

Шаги и злые перешептывания мало-помалу стихли в отдалении.

Тонкие пальцы Шэнь Цзюньюя, до побелевших костяшек сжимавшие деревянную шкатулку, медленно расслабились.

Спустя долгое время он поднял голову. В его светло-карих, похожих на чистейшую яшму глазах отразились багровые лучи уходящего солнца.

Барьер Павильона Облачной Дымки, возведенный могущественными старейшинами, надежно оберегал уединение Шэнь Цзюньюя от бурь и невзгод внешнего мира. Но с некоторых пор эта преграда отчего-то перестала задерживать досужие сплетни.

Особенно те, что касались Юань Мучжоу и Шэнь Сыюаня.

Должно быть, кто-то очень хотел, чтобы эти разговоры долетали до его ушей.

Впрочем, какая разница.

Печалило его лишь одно: в этот Новый год Мучжоу уже точно не приедет.

И только.

Предчувствие его не обмануло — в праздничную ночь супруг так и не появился.

Шэнь Цзюньюй молча убрал шкатулку обратно в сундук и провел всю ночь в библиотеке за чтением древних трактатов. На его лице не отразилось ни скорби, ни горькой обиды.

К бесконечным, полным одиночества часам наедине с пыльными свитками он давно привык.

Каково же было его удивление, когда полмесяца спустя тишину заброшенного павильона нарушил незванный и крайне неожиданный гость.

Шэнь Сыюань.

Когда Сыюань вошел в комнату, Шэнь Цзюньюй как раз читал «Шестнадцать томов Канона предсказаний Юйхэн». Тяжелые свитки ворохом лежали прямо у его ног.

Стоило Цзюньюю отложить прочитанный свиток и потянуться за следующим, как чья-то холеная рука, украшенная Кольцом Звездной Первоосновы — символом власти главы Секты Нефритовых Весов, — опередила его. Незнакомец поднял свиток с пола и протянул хозяину дома.

— Старший брат.

Шэнь Цзюньюй медленно поднял взор. На мгновение его взгляд зацепился за драгоценную нефритовую подвеску с искусной резьбой в виде дракона, покачивающуюся на расшитом серебром поясе гостя.

Затем он посмотрел в лицо вошедшего — юное, красивое и до боли знакомое, имевшее с его собственным явное сходство.

Заметив замешательство брата, Шэнь Сыюань самодовольно улыбнулся и небрежно коснулся пальцами украшения.

— Эту подвеску я заметил на тебе, брат. Она показалась мне столь изящной, что я попросил брата Юаня отыскать точно такую же и для меня. Как думаешь, она мне к лицу?

Шэнь Цзюньюй выдержал короткую паузу и ответил бесстрастно:

— Слишком простая яшма. Негоже главе великой секты носить столь невзрачные вещи.

Улыбка сползла с лица Сыюаня, а в глазах на мгновение вспыхнула ядовитая злоба.

Но он быстро овладел собой и вновь притворно заулыбался:

— Твоя правда, брат. Что ж, в следующий раз попрошу брата Юаня выбрать для меня что-нибудь более изысканное.

Шэнь Цзюньюй промолчал.

Подобные мелочные уколы поначалу задевали его, но со временем притупилась даже эта боль. Он просто онемел от бесконечных притязаний брата.

Видя, что собеседник упорно хранит молчание, Сыюань устроился поудобнее и продолжил вкрадчивым, полным фальшивого сочувствия тоном:

— Все эти годы мы с братом Юанем не жалели сил, пытаюсь найти способ исцелить твое разбитое золотое ядро, но тщетно. Мучжоу уже больше двадцати лет топчется на самой вершине Царства Очищения Пустоты, сдерживая собственное развитие ради твоего спасения. Ты ведь понимаешь, чем дольше он откладывает прорыв, тем выше риск для его жизни?

Шэнь Цзюньюй продолжал хранить ледяное молчание.

Сыюань скользнул пренебрежительным взглядом по его бледному, кроткому лицу, не скрывая сквозящего в глазах отвращения.

— К тому же Обитель демонов то и дело нарушает границы, а главы других великих сект уже в открытую шепчутся за спиной брата Юаня, порицая его за застой в культивации. Секта Меча окружена врагами, брат Юань разрывается между долгом и... обязательствами. Ему невероятно тяжело.

— Брат, ты ведь его законный супруг. Неужели твое сердце не обливается кровью, когда ты видишь, в какое унижительное положение ставишь его день за днем?

Выслушав эту исполненную «заботы» речь, Шэнь Цзюньюй медленно, едва заметно улыбнулся.

А затем под удивленным взглядом брата поднял голову и посмотрел ему прямо в глаза:

— Отрадно слышать, что ты помнишь, кто именно приходится законным супругом Юань Мучжоу.

— Если все так, как ты говоришь, почему Мучжоу не пришел и не сказал мне это лично?

— Стоит ему лишь слово молвить — и я исполню его волю.

В комнате повисла тяжелая, звенящая тишина.

Сыюань долго вглядывался в равнодушное лицо брата. Наконец маска фальшивого благочестия была сброшена, и он ядовито усмехнулся:

— Старший брат, Мучжоу просто слишком благороден и дорожит былой привязанностью. Вот только у любого терпения и у любых старых чувств есть предел. Они не вечны.

С этими словами он с силой швырнул свиток под колеса кресла-каталки и, резко развернувшись, стремительно вышел из комнаты.

Шэнь Цзюньюй долго сидел неподвижно, глядя на валявшуюся в пыли рукопись. Ледяная

стужа медленно, неостановимо расползалась из глубины его груди.

И ранили его не слова младшего брата. Шэнь Цзюньюй слишком хорошо понимал: Сыюань никогда не смог бы беспрепятственно войти в запечатанную обитель и устроить эту сцену, не будь на то молчаливого согласия самого Главы Секты Меча, который сейчас определенно находился в секте.

Никто иной не посмел бы приоткрыть для него защитную формацию.

И всё же первым в Павильон явился Сыюань. Мучжоу так и не пришел.

Новогодний подарок, с такой любовью выбранный для супруга, так и остался лежать в ящике невостребованным.

Шэнь Цзюньюй со вздохом прикрыл веки, чувствуя смертельную, изнуряющую усталость.

"Мучжоу... неужели ты знаешь об этой нелепой игре?"

"И если знаешь... о чем ты думаешь в этот момент?"

Прошло еще три дня. Глава Секты Меча по-прежнему не давал о себе знать, но порог павильона переступил новый гость.

Юнь Суи — бывшая супруга главы Секты Нефритовых Весов и мать обоих братьев.

Она достигла Царства Зарождающейся Души еще до рождения сыновей, а потому годы не коснулись ее лица. Когда они сели друг против друга, Юнь Суи казалась скорее старшей сестрой Шэнь Цзюньюя, нежели его матерью.

Ее приход ошеломил его. Впрочем, стоило ему заметить смесь укоризны и досады в ее прекрасных глазах, как он сразу догадался, зачем она пожаловала.

Сердце его болезненно сжалось, но, помня о том, как редко мать балует его своим вниманием, он подавил горький вздох и не выказал ни малейшего недовольства.

Увы, сама Юнь Суи не отличалась подобной деликатностью.

Не успели они отпить и по глотку чая, как гостя заговорила резким, обвиняющим тоном:

— Цзюньюй, Юань-эр едва оправился от тяжелых ран! Он выкроил время посреди праздников, чтобы навестить тебя, а ты снова довел его до слез! За что ты так с ним?

— Я знаю, как тебе тяжело из-за недуга, но ты старший брат и должен быть терпимее. Пойми же наконец, какая тяжелая ноша лежит на плечах Юань-эра! Он правит Сектой Нефритовых Весов и вдобавок помогает Мучжоу вести дела Секты Меча. Перестань отравлять ему жизнь своими капризами и глупыми придирками.

В каждом слове, в каждом жесте матери сквозила слепая, фанатичная любовь ко второму сыну. Для нее существовал лишь Сыюань.

Шэнь Цзюньюй выслушал ее упрек без тени эмоций и тихо спросил, глядя ей прямо в лицо:

— Отчего же ты решила, матушка, будто это я обидел его?

Этот холодный, пронизательный взгляд уколол гордость Юнь Суи, и она вспыхнула:

— Юань-эр вернулся от тебя сам не свой, проплакал полдня в покоях! А когда я спросила, что случилось, лишь головой покачал и промолчал. Кто еще, кроме тебя, мог так ранить его нежную душу? Он ведь души в тебе не чаёт, а ты... Как у тебя только сердце не болит за младшего брата?

Шэнь Цзюньюй не проронил ни слова.

Выплеснув гнев, Юнь Суи посмотрела на осунувшегося, бледного как полотно старшего сына. Ее сердце на миг дрогнуло от запоздалого раскаяния.

Выдержав паузу, она смягчила тон и завела разговор совсем об ином.

— Дитя мое, — мягко произнесла она, прощупывая почву, — все эти годы я вижу, что жизнь в Секте Меча не приносит тебе радости. Не хочешь ли ты вернуться в родной дом?

Шэнь Цзюньюй, до этого момента сдерживавший бурю в груди, резко вскинул голову. Его взгляд сделался острым и холодным как лезвие клинка:

— Что ты хочешь этим сказать, матушка?

Десятки лет они не вспоминали о нем, и вдруг теперь, когда тучи над его головой сгустились, мать предлагает забрать его «домой». Забрать супруга самого Главы Секты Меча, которого секта оберегала целый век.

Она прекрасно понимала, на что идет. И каково истинное значение ее слов.

Встретившись с этим пронзительным, гневным взглядом, Юнь Суи испуганно отпрянула и едва не пошла на попятную.

Однако в ее памяти мгновенно всплыло заплаканное, измученное лицо Сыюаня после его недавнего ранения. Стиснув зубы, она переборолa страх и прошептала:

— Неужели ты до сих пор ничего не замечаешь? Неужели не видишь, какие отношения связывают Мучжоу и твоего брата?

Шэнь Цзюньюй смотрел на нее без малейшего выражения.

Его каменистая маска смутила Юнь Суи, но в то же время подарила ей ложную уверенность. Женщина решила, что сын обо всем догадывался, и облегченно перевела дух.

Придав лицу максимально кроткое, сострадательное выражение, она заговорила вновь. Но каждое ее слово ранило большее отравленного острия:

— Цзюньюй, я понимаю, как тебе горько. Но взгляни правде в глаза — твое золотое ядро разрушено навек, исцеление невозможно. Зачем ты продолжаешь тянуть Мучжоу за собой в бездну?

— Если тебе наплевать на чувства брата, то подумай хотя бы о самом Мучжоу. Ради его будущего... тебе пора отпустить его.

Шэнь Цзюньюй неотрывно смотрел на нее. Снаружи он казался изваянием из холодного мрамора, но внутри его мир рушился, и израненное сердце медленно исходило кровью.

Он давно смирился с тем, что после увечья родители отдалились от него. Отец, Шэнь Ду, и прежде не жаловал его заботой, а теперь и вовсе души не чаял в младшем сыне.

На холодность отца ему было наплевать. Но мать... До рождения Сыюаня он был для Юнь Суи единственным сокровищем, средоточием всей ее жизни.

И даже видя, как она с каждым годом все сильнее выделяет Сыюаня, Шэнь Цзюньюй находил ей оправдания. Твердил себе, что брат теперь глава секты, на нем огромная ответственность, и материнское сердце лишь беспокоится о нем. Он свято верил, что мать все еще любит своего первенца.

Шэнь Цзюньюй никогда не жалел, что закрыл тогда брата от стрелы. Хилый, болезненный Сыюань умер бы на месте от того удара, а смерть младшего сына подкосила бы здоровье их

матери. Цзюньюй считал свою жертву оправданной.

То, что все они выжили, казалось ему великим благом.

Но он и в кошмарном сне не мог представить, что мать, которую он считал лишь слегка пристрастной, предаст его так безжалостно. Что она без колебаний примет сторону младшего брата.

И явится сюда лишь для того, чтобы заставить его отдать собственного мужа Сьюаню.

Какая злая, чудовищная ирония.

Он не стал кричать. Лишь смерил мать долгим, невидящим взором и спросил бесцветным, севшим голосом:

— Матушка... ты хоть сама понимаешь, что сейчас произнесла?

Даже преданный всеми, Шэнь Цзюньюй давал ей последний шанс одуматься и забрать свои слова назад. Он молил её остановиться.

Но Юнь Суи не услышала этого немого призыва.

На мгновение на ее лице проступило замешательство, в глазах мелькнул стыд, но она упрямо сжала губы и заглушила голос совести:

— Сто лет прошло, Цзюньюй. Пора научиться смотреть правде в глаза.

— Твое упрямство губит всех вокруг. И в первую очередь — тебя самого. Подумай об этом.

— Вон.

Юнь Суи ошеломленно замерла.

Взор Шэнь Цзюньюя заледенил воздух. Чеканя каждое слово, он повторил:

— Я сказал — убирайся отсюда. Вон.

Юнь Суи покинула павильон, бледная от гнева и уязвленного самолюбия.

Но у самого порога она обернулась и бросила напоследок слова, лишённые какой-либо пощады:

— Цзюньюй, запомни одну вещь. Каким бы великим ни был долг Мучжоу перед тобой, твоя эгоистичная привязанность сотрет любые остатки его благодарности. Скоро от вашей связи не останется ничего, кроме обоюдной ненависти.

Шэнь Цзюньюй долго сидел неподвижно, прислушиваясь к эху ее шагов. Затем он прикрыл глаза. Ему безумно, до истерики хотелось расхохотаться.

Значит, вот как всё выглядит со стороны. Их вековая любовь в глазах толпы превратилась в жалкую сделку, в старый долг, который он безжалостно вытряхивает из супруга.

Так считает его брат. Так считает его родная мать.

Но...

Что творится в душе самого Мучжоу?

Неужели и он... жалеет о сделанном выборе?

Неужели остался рядом лишь из чувства долга?

От этой мысли пальцы Шэнь Цзюньюя сжались на деревянных подлокотниках кресла с такой силой, что сквозь бледную кожу проступили синеватые вены.

С трудом преодолевая внутреннее оцепенение, он подкатил кресло к письменному столу. Обмакнул кисть в чернила и твердой рукой, выводя каждый иероглиф, написал короткое послание мужу.

За долгие годы он ни разу не побеспокоил супруга пустяками, боясь отвлечь его от медитаций и дел секты. Он никогда не писал ему первым.

Но теперь, пройдя через череду жестоких унижений, он остался верен своей гордости. Письмо содержало лишь несколько простых слов:

«Есть важное дело. Жду твоего возвращения».

Внизу размашистым почерком вывел свое имя: «Цзюньюй».

<http://bllate.org/book/19607/2002769>